

Хуай Сюй остановился.

Обсуждавшие были так же любопытны, как и он.

«Есть пара? Тогда эта девушка, наверное, просто сногшибательная красавица?»

«Кхм-кхм, не девушка».

«Не... девушка?!»

«Парень. Суперкрасивый парень. Говорят, они друзья детства, но на публике говорят, что просто друзья».

«Значит, это... скрытые геи?»

«Некоторые геи такие, очень хорошо скрываются».

«...»

Хуай Сюй: «...»

Как же он ненавидел свои ноги! Почему он не пошёл дальше?

Что это вообще такое? И всё это так убедительно звучит.

Пока он стоял в недоумении, разговор продолжался:

«Откуда ты это знаешь?»

«У моей подруги есть знакомые в Университете Цзинь. У них есть группа для любителей их пейринга. Кстати, никому не рассказывайте, это секрет».

«Поняли, никому не скажем».

Хуай Сюй: «=0=»

В Университете Цзинь есть такая группа?!

Постойте! Та девушка, ты же говорила, что никому не расскажешь, зачем же ты тогда всем об

этом сообщила?!

Съев сплетню о самом себе, Хуай Сюй больше не мог это слушать.

И совершенно не было необходимости, как в прошлый раз, подходить и прерывать их. Эти люди его не знали, и ему незачем было самому брать на себя эту сплетню.

Поразмыслив, он решил, что лучше всего будет уйти.

Хуай Сюй улизнул, сначала хотел обойти и перейти на другую сторону, но потом передумал.

Если бы его узнали студенты университета Цзинь, эффект от сюрприза был бы несколько смазан.

Он отошёл в самый дальний угол, где не слышно было разговоров, но при этом хорошо видно, как Цзин Чжэнсюань лихо играет на площадке, и где его не могли заметить студенты Цзинь.

Просто идеально.

Счёт обеих команд был очень плотным, стоило одной забросить трёхочковый, как другая тут же отвечала двумя бросками в корзину. Игра была очень напряжённой, Хуай Сюй с замиранием сердца следил за происходящим и изо всех сил переживал за Цзин Чжэнсюаня.

Посмотрев немного, Хуай Сюй примерно понял расклад.

Команды университета Цзинь и Киноакадемии были примерно равны по силе, и исход игры зависел скорее от удачи.

Как оказалось, анализ Хуай Сюя был верным: финальный свисток прозвучал сразу после того, как мяч последней команды Киноакадемии коснулся кольца, но не попал в него. Они проиграли университету Цзинь с разницей в одно очко.

В тот момент на баскетбольной площадке словно наступила вакуумная тишина, которая длилась буквально доли секунды, а затем раздался оглушительный рёв ликования. Зрители смеялись, прыгали, кричали, аплодируя и приветствуя эту захватывающую игру.

На площадке игроки обеих команд обменивались рукопожатиями в знак уважения.

Победившая команда не зазнавалась, а скорее выглядела сожалеющей.

Проигравшая команда не унывала, а, наоборот, была полна восторга.

Между обеими командами чувствовалось взаимное уважение, и они договорились о товарищеском матче в другой день.

Хуай Сюй вдруг вспомнил, что ему нужно было сделать несколько фотографий Цзин Чжэнсюаня, но игра была настолько захватывающей, что у него просто не было возможности отвлечься.

Воспользовавшись тем, что сейчас организационный комитет готовился к церемонии награждения, Хуай Сюй начал активно фотографировать Цзин Чжэнсюаня на телефон, щёлкая затвором без остановки.

Церемония награждения началась довольно скоро. Ведущий по очереди объявил команды, занявшие третье, второе и первое места. Три команды по очереди поднялись на пьедестал, где им вручили награды почётные гости.

Хуай Сюй снова принялся фотографировать. Что поделать, Цзин Чжэнсюань, стоявший в окружении товарищей по команде с кубком в руках, выглядел слишком ослепительно, и он просто обязан был запечатлеть этот момент, чтобы отправить тёте Цин*.

*Си Цин — мама Цзин Чжэнсюаня

Затем последовало выступление руководства, после чего церемония награждения завершилась, и межвузовский баскетбольный турнир был официально закрыт. Игроки начали расходиться.

Хуай Сюй убрал телефон и достал из рюкзака заранее приготовленную фигурку известного баскетболиста.

Цзин Чжэнсюань всегда восхищался этим игроком. Хуай Сюй не особо разбирался в баскетболе, но помнил слова Цзин Чжэнсюаня об этом спортсмене.

На площадке было очень много людей, поэтому Хуай Сюй мог только медленно продвигаться к выходу вместе с толпой, не сводя глаз с Цзин Чжэнсюаня, пока тот не исчез за дверью спортзала.

Наконец протиснувшись сквозь толпу, он нигде не увидел Цзин Чжэнсюаня.

Хуай Сюй достал телефон, собираясь позвонить, но тут же вспомнил, что он пришёл сделать сюрприз, а не просить Цзин Чжэнсюаня искать его. Поэтому он снова убрал телефон в карман.

В любом случае, Цзин Чжэнсюань после игры наверняка вернётся домой, поэтому, если он пойдёт в сторону выхода из университета, всё будет в порядке.

Хуай Сюй снова пошёл по указателям к выходу.

Пройдя половину пути, его телефон дважды пискнул. Это был особый сигнал, установленный специально для Цзин Чжэнсюаня. Эту мелодию поставил ему сам Цзин Чжэнсюань, когда брал его телефон.

Хуай Сюй открыл чат, там было два сообщения:

Цзин Чжэнсюань: «А Сюй»

Цзин Чжэнсюань: «Я случайно снова поранился...»

Хуай Сюй нахмурился. Только что он был полон сил, как же он успел снова пораниться за такое короткое время?

Он поднял голову и огляделся по сторонам и, как назло, заметил знакомую спину.

Хуай Сюй сделал шаг вперёд: «Цзин...?!»

Не успев произнести ни слова, Хуай Сюй остановился.

Цзин Чжэнсюань стоял лицом к стене, словно отшельник, всё ещё в спортивной форме. Свободная и мягкая одежда не могла скрыть его острую, как лезвие, ауру. Это была бы очень красивая картина, если бы Хуай Сюй не увидел, как Цзин Чжэнсюань резко поднял левую ногу и ударил ею о стену!

Глаза Хуай Сюя округлились!

Если обычно его глаза были живыми и похожими на глаза оленёнка, то сейчас они стали похожи на медные колокольчики от изумления.

Что происходит с Цзин Чжэнсюанем?!

Хуай Сюй посмотрел на друга, стоявшего впереди, а затем опустил взгляд на новое сообщение в телефоне — фотографию распухшего и содранного до крови колена.

В этот момент Хуай Сюй отбросил все свои прежние предположения о Цзин Чжэнсюане. Это определённо был не тот Цзин Чжэнсюань, которого он знал.

Какой нормальный человек станет сам себя калечить до такой степени?

Как же это должно быть больно?

У Хуай Сюя самого заболело при одном взгляде на это, что уж говорить о Цзин Чжэнсюане, который испытывал эту боль на себе.

Хуай Сюй замолчал.

Он смотрел на друга, стоявшего лицом к стене, и молча, с серьёзным видом, направился к нему.

Услышав шаги, Цзин Чжэнсюань обернулся, и, увидев подошедшего, его прежде острый взгляд мгновенно сменился удивлением, которое, однако, длилось не более долей секунды, тут же вернулось прежнее спокойствие.

Он как обычно произнёс: «А Сюй, как ты здесь оказался?»

У Хуай Сюя было совсем недоброе выражение лица. Он не знал, каких чувств у него больше — жалости или гнева, в любом случае, всё было очень сложно.

Он одновременно жалел Цзин Чжэнсюаня из-за его состояния, беспокоился, нет ли у того склонности к самоповреждению, и злился на него за такое небрежное отношение к своему телу.

Поскольку у него самого с детства было слабое здоровье, Хуай Сюй особенно ценил своё тело и завидовал тем, у кого было крепкое здоровье.

У Цзин Чжэнсюаня, хоть и было «хрупкое» телосложение, серьёзных проблем со здоровьем не было, к тому же у него была очень сильная регенерация, чему Хуай Сюй тоже завидовал.

Он никак не мог понять, почему Цзин Чжэнсюань так поступает. Рана на его колене была красной и опухшей, из неё сочилась кровь. Хуай Сюй чувствовал, как от этого зрелища у него сжимается сердце.

У него покраснели глаза, он стиснул зубы и сжал кулаки, изо всех сил стараясь не спрашивать о ране Цзин Чжэнсюаня. Вместо этого он усмехнулся: «Хорошо, что я пришёл, а то не увидел бы этого. Сам себя довёл до такого состояния. Цзин Чжэнсюань, ты просто герой».

Цзин Чжэнсюань опустил голову, его взгляд слегка дрожал, он внимательно изучал выражение лица Хуай Сюя.

Он протянул руку, чтобы коснуться покрасневших глаз Хуай Сюя, но тот отстранился.

Цзин Чжэнсюань потёр пальцы и придумал оправдание: «На стене был жук...»

Услышав это, Хуай Сюй разозлился ещё больше и с негодованием спросил: «Что ты делал у стены? Пришёл постоять в углу или специально бился коленом о стену, чтобы раздавить жука?! Ты сам-то в это веришь?»

Цзин Чжэнсюань нахмурился и поджал губы.

«Вот, фигурка твоего любимого игрока, сюрприз. Какой же это сюрприз... для меня самого», — видя, что тот молчит, Хуай Сюй почувствовал ещё большее беспокойство и, холодно сунув фигурку в руку Цзин Чжэнсюаня, повернулся, чтобы уйти.

Цзин Чжэнсюань тут же схватил его за руку: «Не уходи».

Хуай Сюй обернулся и, вскинув брови, спросил: «Что, теперь расскажешь настоящую причину?»

«...» Помолчав, Цзин Чжэнсюань, изучая выражение лица Хуай Сюя, серьёзно начал: «Я поранился по дороге. Я просто подошёл сюда, потому что здесь тихо».

Хуай Сюй: «...»

Он закатил глаза и с негодованием усмехнулся: «Цзин Чжэнсюань, ты меня за слепого или за дурака держишь? Даю тебе последний шанс».

«...» Цзин Чжэнсюань снова замолчал. Его кадык дрогнул, он опустил глаза на Хуай Сюя и после долгого молчания сказал: «Я просто хотел, чтобы ты обо мне позаботился».

Глаза Хуай Сюя стали ещё шире: «И это повод калечить себя?!»

Его охватило чувство вины, он начал бормотать, размышляя вслух: «Это всё моя вина, всё из-за того, что я постоянно болею, и тебе приходится обо мне заботиться. Твоё недовольство вполне понятно, но это не значит, что нужно создавать себе возможность нанести вред, даже когда её нет. Если ты чем-то недоволен, ты мог сказать мне, ты мог не заботиться обо мне, зачем же калечить себя?»

Цзин Чжэнсюань выпрямился, положил обе руки на плечи Хуай Сюя и, пристально глядя ему в глаза, серьёзно и глубоко произнёс: «Всё не так, как ты говоришь».

Хуай Сюй вопросительно посмотрел на него, пытаясь найти ответ в этих глазах, которые он видел бесчисленное количество раз: «А как?»

Цзин Чжэнсюань внезапно отвёл взгляд и, поколебавшись, сказал: «Чувство, когда ты обо мне заботишься... очень приятное».

Хуай Сюй: «...»

Что это за объяснение?!

Даже если ему действительно приятно, когда о нём заботятся, это не повод себя калечить.

Хуай Сюй больше всего на свете не любил людей, которые не берегут своё тело. Как сильно он завидовал чужому крепкому здоровью, так же сильно он ненавидел тех, кто не ценит своё.

Цзин Чжэнсюань прекрасно это знал, но всё равно продолжал себя калечить.

Что за чудное «хрупкое телосложение»? Всё это было сделано намеренно!

А если он повредит что-нибудь важное?!

Хуай Сюй был склонен к излишним переживаниям по поводу здоровья. Многие серьёзные болезни начинаются с мелких недомоганий.

Хуай Сюй покачал головой и горько усмехнулся. Он всхлипнул и, не в силах сдержаться, взглянул на колено Цзин Чжэнсюаня. От этого распухшего и кровоточащего пореза у него заслезились глаза, покраснели веки, а в тёмных глазах заблестели слёзы.

Он выдохнул и, стараясь сдержать дрожь в голосе, сказал: «Я пойду. С твоей раной... пусть доктор Дуань разберётся».

Цзин Чжэнсюань сделал шаг больной ногой и болезненно застонал.

Хуай Сюй обернулся и вздохнул: «Ты совсем дурак?»

Он всё же не смог остаться равнодушным. Каким бы злым и растерянным он ни был, он не мог оставить Цзин Чжэнсюаня одного, тем более с такой раной на колене.

Неважно, случайно это произошло или намеренно, рана была реальной, и Хуай Сюй не мог этого игнорировать.

Иногда ему казалось, что у него слишком много сострадания.

Его бесчисленное количество раз пытались обмануть люди, притворявшиеся пострадавшими на дороге, но, несмотря на весь этот негативный опыт, Хуай Сюй всё равно не мог пройти мимо чужой беды.

Он всегда думал: «А вдруг ему действительно плохо? Разве я могу оставить его умирать?»

К счастью, каждый раз, когда такое случалось, Цзин Чжэнсюань был рядом и отгонял этих наглых и бесстыжих вымогателей.

Но чаще всего Хуай Сюй думал, что пусть уж у него будет избыток сострадания. Он ведь учится на врача, как же он будет спасать людей без сострадания?

Однако сострадание — это одно, а эмоции — совсем другое.

Хуай Сюй, конечно же, беспокоился за Цзин Чжэнсюаня, но это не мешало ему злиться.

Его лицо было напряжено, казалось, что оно вот-вот лопнет, а в покрасневших глазах стояли крупные слёзы, которые никак не хотели падать, создавая ощущение одновременно жалости и стойкости.

Он поддерживал Цзин Чжэнсюаня под руку и сурово произнёс: «Ты совсем дурак? Так сильно ударился и всё равно наступаешь на эту ногу?»

Цзин Чжэнсюань повернул голову и, опустив взгляд на лицо Хуай Сюя, нежно вытер скопившиеся в его глазах слёзы и с виноватым видом сказал: «Не хотел, чтобы ты плакал».

Хуай Сюй вскинул брови и посмотрел на него: «Тогда не калечь себя!»

«...» Цзин Чжэнсюань поджал губы, понимая, что не прав: «Прости».

«Ты должен извиниться не передо мной, — Хуай Сюй не принял извинений. Он жалел Цзин Чжэнсюаня, но при этом разумно считал, что его поведение сейчас было ненормальным, поэтому серьёзно сказал: — А перед самим собой, ведь это себе ты причинил боль».

Его тон и выражение лица были точь-в-точь как у взрослого, воспитывающего ребёнка, что на мгновение вернуло Цзин Чжэнсюаня в детство.

В детстве Цзин Чжэнсюань был настоящим маленьким хулиганом. Хотя он был очень развит не по годам и имел представление о добре и зле, его методом решения проблем были кулаки, поэтому он часто попадал в неприятности, и дети, увидев его, разбегались в стороны.

После встречи с Хуай Сюем таких случаев становилось всё меньше и меньше.

Каждый раз, когда он дрался, Хуай Сюй, как маленький взрослый, читал ему нотации: «Драться — это плохо, мне не нравятся дети, которые дерутся».

Маленький Цзин Чжэнсюань, словно поражённый громом среди ясного неба, тут же обещал исправиться.

Только после этого Хуай Сюй снова становился его лучшим другом на свете.

Глядя на 19-летнего Хуай Сюя, Цзин Чжэнсюань тихо промычал и неожиданно выдал два слова: «Привык уже».

Всем спасибо за прочтение! Если вам понравился мой перевод, я буду очень рада вашей "благодарности" в конце каждой главы~

(*~ 3~*)♡

<http://bllate.org/book/18163/1743139>